

К. В. Асмолов

Конституционный кризис в Южной Корее: репутационные, внутриполитические и внешнеполитические последствия

Аннотация. Конституционный кризис в Республике Корея, проявлением которого стала неудачная попытка ввести военное положение и последующий импичмент президента Юн Сок Ёля, оказал комплексное влияние как на ситуацию в стране, так, возможно, и на её отношения со странами-соседями. Представленный материал анализирует как общерепутационные, так и внутри- и внешнеполитические последствия для страны в краткосрочной (до прихода к власти нового президента) и в среднесрочной перспективе.

Репутационные последствия касаются представлений о том, в какой мере современная Южная Корея является страной с действительно демократическими институтами. Хотя официальная версия утверждает, что именно благодаря им удалось предотвратить захват власти, предыдущая фаза кризиса говорит о том, что парламентская оппозиция использовала механизмы импичмента не ради блага страны, а для борьбы за власть.

Кроме того, хотя неразбериху военного положения пытаются объяснить саботажем на среднем и нижнем уровне, можно задаться вопросом, в какой мере это было сознательное неисполнение приказов, а в какой — признак слабости силовых структур в чрезвычайной ситуации.

Внутриполитические последствия сводятся, с одной стороны, к вероятному рываншу демократов, а с другой — к новому витку разговоров о пересмотре Основного закона в рамках борьбы с концепцией «имперского президентства», хотя неясно, будет ли новый президент менять удобную для него конституцию. Интересно, что в «слепом пятне» оказалась ситуация, когда конституция страны, рассчитанная на предотвращение узурпации власти президентом, оказалась не готова к узурпации власти со стороны парламента.

Внешнеполитические последствия в краткосрочной перспективе кажутся преодоленными: военное положение воспринимается как досадный инцидент, который не оказал существенное негативное влияние на отношения со странами-соседями. Однако вероятны два тренда: большинство инициатив, непосредственно связанных с экс-президентом, будет поставлено на паузу или обнулено, а вакуум власти и необходимость президента-демократа договариваться с новым руководством США повышает вероятность того, что предметом торга станут вопросы, по которым прежнее правительство старалось не уступать. В этом смысле

не стоит рассчитывать на то, что новое руководство страны будет проводить менее проамериканский курс, — разница будет касаться риторики и тактики.

Ключевые слова: кризис в Южной Корее, внутренняя политика Южной Кореи, внешняя политика Южной Кореи, имитационная демократия.

Автор: Константин Валерианович Асмолов. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Китая и Современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@iccaras.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Асмолов К.В. Конституционный кризис в Южной Корее: репутационные, внутривнутриполитические и внешнеполитические последствия // Корееведение. 2025. № 1 (10). С. 64—80. DOI: 10.48647/ICCA.2025.87.34.005.

Asmolov K.

The Constitutional Crisis in South Korea: Implications for the ROK's Reputation, Domestic Governance, and Foreign Policy

Abstract. The constitutional crisis in the Republic of Korea, marked by an unsuccessful attempt to implement martial law and the subsequent impeachment of the president, has had multifaceted consequences for the nation's internal dynamics and its relations with neighboring states. This paper examines the implications of the crisis for South Korea's reputation, domestic politics, and foreign policy in both the short term (prior to the inauguration of the new president) and the medium term.

The crisis has raised significant questions about South Korea's democratic credentials. While the government has emphasized that democratic institutions successfully thwarted an attempted seizure of power, the events leading up to the impeachment suggest that the parliamentary opposition exploited impeachment mechanisms for personal and political gain rather than for the broader national interest.

Furthermore, although efforts have been made to attribute the confusion surrounding the martial law declaration to sabotage by lower- and mid-level officials, it remains unclear whether this was a deliberate refusal to comply with orders or a reflection of systemic weaknesses in law enforcement during emergencies.

Domestically, the crisis has triggered two key developments. First, it has led to anticipated political retaliation by the Democratic Party. Second, it has reignited debates about constitutional reform, particularly in the context of addressing the concept of an "imperial presidency." However, it is uncertain whether the new president will pursue constitutional amendments that align with their political interests. Notably, a constitutional "blind spot" has been exposed: while the Constitution was designed to prevent presidential overreach, it was ill-prepared to address the possibility of parliamentary usurpation of power.

In terms of foreign policy, the short-term implications of the crisis appear to have been mitigated. The martial law incident has been largely perceived as an isolated event, with no significant deterioration in relations with neighboring countries. However, two trends are likely to emerge. First, many initiatives closely associated with the previous administration are expected to be paused or reassessed. Second, the power vacuum created by the transition, coupled with the new president's need to negotiate with the incoming U.S. administration, increases the likelihood that issues previously avoided by the former government will resurface as points of contention. While the new leader-

ship is not expected to deviate significantly from a pro-U.S. stance, differences may arise in rhetorical tone and diplomatic approach.

In summary, the constitutional crisis has had profound implications for South Korea's political landscape, democratic reputation, and foreign policy trajectory, with both immediate and longer-term consequences that warrant careful analysis.

Keywords: constitutional crisis in South Korea, South Korean domestic policy, South Korean foreign policy, imitation democracy.

Author: Konstantin V. Asmolov. Ph.D (history), Leading Researcher Fellow of the Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, RAS. (Address: 117997, Moscow, Nakhimovskii pr., 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@iccaras.ru

Conflict of Interest: The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Asmolov K.V. Konstitucionnyj krizis v Juzhnoj Koree: reputacionnye, vnutripoliticheskie i vneshnepoliticheskie posledstviya. [The constitutional crisis in South Korea: reputational, domestic and foreign policy consequences.]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2025, 1 (10): 64—80. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2025.87.34.005.

Конституционный кризис в Республике Корея, следствием которого стала неудачная попытка ввести военное положение и последующий импичмент президента Юн Сок Ёля, оказал комплексное влияние как на ситуацию в стране, так, возможно, и на её отношения со странами-соседями. И хотя на момент работы над текстом кризис ещё не закончен, мы уже можем обозначить комплекс как репутационных, так и внутри- и внешнеполитических последствий в краткосрочной (до прихода к власти нового президента) и в среднесрочной перспективе.

Введение в контекст. В представленном материале мы не будем специально концентрироваться на причинах и ходе конституционного кризиса, отметив лишь его основные этапы на момент написания данного текста.

10 апреля 2024 г. на парламентских выборах демократам не удалось набрать 2/3 голосов для импичмента президента. Однако они сохранили подавляющее большинство в парламенте. Это означало, что патовая ситуация, парализующая государственную систему, будет продолжаться неограниченно долго и решить этот вопрос легальными методами невозможно.

15 ноября 2024 г. лидер оппозиционной Демократической партии Кореи Ли Чжэ Мён получил первый обвинительный приговор. В случае его утверждения Верховным судом, даже при условном сроке, Ли теряет место депутата парламента и возможность участвовать в политической жизни страны в течение пяти лет. В подобной ситуации и с учетом того, что председателя ждали еще четыре, с высокой вероятностью обвинительных, приговора, у Демократической партии не было иного выбора, как лишить президента власти до того, как она посадит председателя. В результате связанные с демократами неправительственные организации начали кампанию за импичмент президента, которая сопровождалась слухами о том, что власти намерены ввести военное положение и растоптать демократию. Одновременно Демократическая партия использовала свое большинство в парламенте в качестве оружия для импичмента министров, прокуроров и

высокопоставленных правительственных чиновников. Была предпринята попытка вывести из строя ключевые правоохранительные органы, урезав бюджет на специальные мероприятия и расходы прокуратуры, полиции, Бюро аудита и инспекции, а также администрации президента.

В ночь с 3 на 4 декабря 2024 г. Юн Сок Ёль ввел чрезвычайное военное положение. При этом озвученные претензии к действиям парламента смешались с рассуждениями про «антигосударственные силы, которые хотят развалить страну». Однако, несмотря на попытки блокирования, депутаты смогли собраться в здании парламента и в соответствии с конституцией проголосовать за отмену военного положения, после чего президент также отменил свое решение.

7 декабря 2024 г. «демократический лагерь» попытался объявить президенту импичмент, однако для решения не хватило кворума, так как правящая партия бойкотировала заседание. Однако после того, как президент отказался уходить в отставку и заявил о желании бороться до конца, 14 декабря парламента отстранил Юна от власти, набрав 204 голоса.

25 декабря 2024 г. импичменту по комплексу обвинений (главное — отказ утвердить кандидатуры трех судей Конституционного суда, необходимые для придания законности его решению об импичменте Юна) подвергся и. о. президента и премьер-министр Хан Док Су. В настоящее время и.о. главы государства является первый вице-премьер и министр финансов Чхве Сан Мок, который утвердил две кандидатуры из трех. В результате 21 марта 2025 г. оппозиция запустила процедуру импичмента и ему¹.

Параллельно с расследованием Конституционного суда против Юн Сок Ёля было открыто дело о мятеже — это одна из немногих статей, по которой можно попытаться посадить даже действующего президента. Однако Юн не шел на контакт с правоохранителями, а предпринятая 3 января 2025 г. попытка его арестовать не удалась из-за противодействия службы безопасности президента. Тем не менее 15 января Юн был задержан², но благодаря технической ошибке 7 марта суд счёл возможным проводить дальнейшие следственные действия и судебное разбирательство без физического задержания обвиняемого³.

На момент, когда автор заканчивал этот текст, кризис еще не окончен: хотя слушания Конституционного суда завершились 25 февраля, и вынесение вердикта по аналогичным случаям в 2004 и 2016 гг. занимало 11—14 дней, решение так и не вынесено. Это связано как с поляризацией общества, которую суд принимает во внимание, так и с тем, что если судьи-консерваторы проголосуют против, и «счет» составит 5—3, для отрешения Юна от власти этого будет недостаточно — требуется шесть голосов «за»⁴.

¹ (2nd LD) Opposition parties introduce motion to impeach acting President Choi // Yonhap News. 23.03.2025. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250321005752315> (дата обращения: 23.03.2025).

² Юн Сок Ёль арестован и допрошен // Международное радио Кореи. 15.01.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=80229 (дата обращения: 13.02.2025).

³ Суд отменил арест Юн Сок Ёля // Международное радио Кореи. 07.03.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=80777 (дата обращения: 23.03.2025).

⁴ Собственно, именно потому демократам так важно назначить девятого судью, чья политическая позиция хорошо известна.

Если Юн подвергнется отрешению от власти, будут назначены новые президентские выборы, на подготовку к которым уйдет 60 дней. Если к этому времени Ли Чжэ Мёна не посадят, он представляется наиболее успешным кандидатом. Если, хотя вероятность невелика, суд оставит Юна на посту президента, демократы организуют массовые манифестации и кампании гражданского неповиновения, не говоря уже о попытке найти повод для следующего импичмента.

Репутационные последствия. Урон репутации страны может быть разбит на несколько блоков. Неудачное военное положение ударило по образу Южной Кореи как развитой демократической страны, обладающей эффективно работающей государственной системой. И хотя в СМИ РК неудачу пытались представить как «демократические институты выдержали испытание»¹, вопросы возникают не только в связи с военным положением, но с ситуацией в целом.

Первый блок касается урона репутации Южной Кореи как страны со сложившимися демократическими институтами. Память о временах военного положения диктатуры Чона остается сильной, и казалось, что повторение таких событий невозможно. Собственно, и автор при первых попытках демократов раскручивать эту тему счел, что сделать это будет маловероятно и, если все же произойдет, успеха не будет как минимум по двум причинам. *Во-первых*, попытка ввести военное положение настроит против инициатора этой идеи все общество. *Во-вторых*, современная армия РК отличается от армии сорокалетней давности и стрелять в народ не готова. Как в целом и произошло².

Однако факт подобной попытки уже позволил задать вопрос о том, чей режим на самом деле более непредсказуем — Север, в отношении которого эта характеристика уже стала клише, или все-таки Юг? Как отмечал один из респондентов О. Кирьянова, «военные перевороты были тем, что ассоциировалось в первую очередь с нестабильностью в Африке, некоторых странах Латинской Америки, но у нас, в наше время... — такого я не мог вообразить никогда» [Кирьянов, 2024].

Второй блок репутационного урона касается эффективности политического лидерства и силовых структур страны. Хотя демократический нарратив пытается представить события 3 декабря давно и хорошо спланированным заговором, по специфике исполнения это больше похоже на спонтанные и импульсивные решения первого лица. С точки зрения исполнения действия силовых структур выглядели как спонтанный акт без предварительной подготовки, отягощенной то ли неразберихой в командных структурах, то ли саботажем на местах, то ли желанием скорее пугать, а не лить кровь.

В результате возникает любопытный вопрос. Понятно, что после неудачного переворота значительная часть вовлеченных в него военных утверждает, что они прямо или косвенно саботировали приказы. Однако на самом деле возникает хо-

¹ New Year Special South Korea enters 2025 with battered yet resilient democracy // Korea Times. 02.01.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/01/356_389551.html (дата обращения: 07.01.2025).

² Асмолов К.В. К слухам о подготовке военного положения в Южной Корее // Новое восточное обозрение. 03.10.2024. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/10/03/k-sluham-o-podgotovke-voennogo-polozheniya-v-yuzhnoj-koree/> (дата обращения: 07.01.2025).

роший вопрос, в какой мере это было следствием саботажа, а в какой — слабой управляемости силовых структур в чрезвычайной ситуации. Если верно второе, то на репутацию военных и силовиков легло определенное пятно.

Сюда же и данные о том, как якобы готовился переворот, одной из ключевых фигур которого позиционируется бывший глава военной разведки Но Сан Вон, уволенный за сексуальные домогательства и официально работающий экстра-сенсом¹. Эта информация вызывает удивление и возмущение в южнокорейских массах [Кириянов, 2024], хотя, помня, как освещались в 1991—1993 гг. в России действия проигравших со стороны победителя, к таким историям надо подходить с определенной долей критичности.

Третий блок репутационного урона связан с распространяющимися слухами о том, что для оправдания военного положения авторы переворота были готовы пойти на межкорейский конфликт, невзирая на то, что в нынешней международной обстановке вероятность превращения его в ядерный и макрорегиональный была бы чрезвычайно велика. Так, министр обороны Ким Ён Хён якобы требовал от председателя ОКНШ РК Ким Мён Су нанести удар по позициям, с которых северокорейские власти запускали в направлении РК аэростаты с мусором². А в обнаруженном блокноте Но Сан Вона якобы была упомянута возможность провоцирования Северной Кореи в районе спорных регионов акватории Желтого моря [Кириянов, 2024].

И хотя подтверждения этих предположений пока нет, данная карта уже была разыграна спикером МИД РФ М.В. Захаровой 18 декабря 2024 г.: «Достоверность этой информации должна быть подтверждена, но если выяснится, что хотя бы что-то из всего этого действительно применялось, то это вызовет потрясение с учётом деструктивной политики, проводимой действующим южнокорейским руководством в межкорейских делах» [Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой]. Поэтому вопрос «Ну и кто здесь на самом деле поджигатель войны?» может перестать быть риторическим³.

Четвертый блок касается того, что паттерн противостояния президента и парламента не совсем соответствует образу «демократической страны», и это касается действий не только власти, но оппозиции. Ещё до острой фазы кризиса демократы активно демонстрировали «двойные стандарты». Например, был модернизирован устав их партии. Ранее ставший фигурантом уголовного дела функционер должен был уйти в отставку, пока ситуация не прояснится. Однако

¹ Гадалки, шаманы, гамбургеры и спецназ. Расследование раскрывает невероятный паноптикум введения военного положения в Южной Корее // Российская газета. 23.12.2024. URL: <https://rg.ru/2024/12/23/kak-v-voennom-polozhenii-v-iuzhnoj-koree-okazalis-zameshany-shamany.html> (дата обращения: 07.01.2025).

² Ex-defense minister accused of verbally abusing JCS chairman ahead of martial law decree // Чунъян ильбо. 10.12.2024. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2024-12-09/national/politics/ExDefense-Minister-verbally-abused-JCS-chief-for-refusing-order-to-strike-North-ahead-of-martial-law-decree-DP-lawmaker-says/2196242?detailWord=> (дата обращения: 07.01.2025).

³ В этом контексте очень характерна реакция на события русскоязычных жителей РК, занимающих открытую антипутинскую позицию. Таковые клеймят Юн Сок Ёля за то, что он своими действиями позволил России выступать с обвинениями, которые не являются исключительно пропагандой.

в случае Ли Чжэ Мёна правила подкорректировали, вписав, что в случае политически ангажированного преследования отставка не обязательна¹. Можно обратить внимание и на ситуацию, при которой демократы пытались менять уголовное судопроизводство с тем, чтобы председателя Ли нельзя было осудить по обвинениям, которые ему вменяли, ввиду сокращения срока давности или изменения формулировок закона².

Внутриполитические последствия. Здесь следует рассмотреть два аспекта. Первый — вероятный итог следующих президентских выборов и разрешение кризиса в целом. В СМИ, непосредственно связанных с Демократической партией, события прямо называются мятежом и восстанием (insurrection), которое «необходимо быстро подавить»³, включая максимальный срок Юну и роспуск Консервативной партии.

С точки зрения автора, возвращение Юна во власть маловероятно. Общественное мнение скорее выступает за отрешение президента от власти, и, как показывает опыт событий 2004 и 2016 гг., Конституционный суд прислушивается к этому мнению. Даже если Юна вдруг вернут во власть, ему вновь придется идти против парламента, который будет снова блокировать все его кадровые и законодательные инициативы, не говоря о возможности устроить еще один импичмент. Кроме того, даже действующего президента можно посадить по обвинению в мятеже, а если президент действительно отдавал приказы об аресте депутатов или препятствовал деятельности парламента, этого достаточно для подтверждения обвинения. Интрига заключается исключительно в том, «доживет» ли до времени выборов Ли Чжэ Мён, который, судя по опросам общественного мнения, лидирует с подавляющим большинством голосов. Если Верховный суд утвердит обвинительный приговор Ли до момента выборов, он потеряет депутатский мандат и возможность заниматься политической деятельностью в течение пяти лет. Собственно, именно поэтому демократам выгодно, с одной стороны, максимально затянуть процесс апелляции, а с другой — максимально приблизить срок выборов.

Второй аспект касается того, станут ли события 3 декабря поводом для пересмотра конституции. С одной стороны, именно заложенные в ней механизмы позволили отменить военное положение решением парламента, после чего президент отказался от дальнейшей эскалации. С другой стороны, согласно конституции, президент РК обладает довольно серьезным блоком полномочий, отчего оппозиция постоянно критиковала систему «имперского президентства»: глава государства имеет право назначать ключевых должностных лиц без одобрения парламента (точнее, одобрение желательно, но не является обязательным), накладывать вето на законопроекты, принятые парламентом, и оказывать значительное влияние на внешнюю политику.

¹ Main opposition leader indicted, faces calls to resign// Korea Times. 23.03.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/03/356_347623.html (дата обращения: 07.01.2025).

² (EDITORIAL from Korea JoongAng Daily on Dec. 4)// Yonhap News. 04.01.2025. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20241204003600315> (дата обращения: 07.01.2025).

³ [Column] When will this insurrection end? // Хангёре синмун. 03.01.2025. URL: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/english_editorials/1176227.htm l (дата обращения: 07.01.2025).

Кроме того, морально устаревшей считается и система, при которой президент избирается на пять лет без права переизбрания. В этом контексте в СМИ и экспертном сообществе Южной Кореи снова открылась дискуссия по поводу того, стоит ли менять конституцию, и если да, то как.

В СМИ стало общим местом, что кризис «выявил уязвимые места в политической системе страны, в частности чрезмерную концентрацию президентской власти, которую часто называют «имперским президентством». Как заявил в интервью Korea Times декан факультета политологии и права Высшей школы политических исследований Университета Кенги Хам Сон Дык, «решение об импичменте Юна, поддержанное большинством общественности, является явным признаком того, что авторитарное президентское правление в Южной Корее больше не работает. Что особенно важно, так это то, что этот процесс был инициирован гражданским обществом, а не политиками»¹. Им Чжи Бон, профессор права университета Соган, считает, что хотя «нынешняя президентская система является значительно улучшенной версией по сравнению с эпохой военной диктатуры, она по-прежнему предоставляет президенту чрезмерную власть и оставляет ее в значительной степени бесконтрольной»². Кан Вон Тхэк, профессор политологии Сеульского национального университета, также выразил мнение, что «когда между президентом и Национальным собранием возникает конфликт, президентской системе не хватает институциональных механизмов для разрешения таких споров. Когда эти конфликты обостряются, законодательный орган может добиваться импичмента президента, в то время как президент может рассмотреть возможность использования военной силы. Именно это произошло в Южной Америке, и теперь это стало нашей реальностью»³.

Согласно опросу общественного мнения, проведённому The Korea Times⁴, 56 % респондентов считают, что реформирование президентской системы необходимо. 45 % опрошенных указали на необходимость устранения пятилетнего срока полномочий без права переизбрания, 35 % подчеркнули важность ограничения президентских полномочий для обеспечения более эффективной системы сдержек и противовесов. 17 % респондентов указали на необходимость совершенствования действующей избирательной системы, которая позволяет кандидату победить на президентских выборах, не набирая большинства голосов, а 64 % считают, что необходимо ограничить количество раз, когда президент может применять право вето.

При этом ситуация, связанная с узурпацией власти не президентом, а парламентом оказалась в «слепом пятне». Как отмечает Ким Ён Ун [Ким, 2024], если парламент имеет возможность отрешить от власти президента или объявить им-

¹ New Year Special South Korea enters 2025 with battered yet resilient democracy // Korea Times. 02.01.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/01/356_389551.html (дата обращения: 07.01.2025).

² Там же.

³ Korea Times Poll. Majority of Koreans back changes to limit presidential powers// Korea Times. 31.12.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/01/356_389472.html (дата обращения: 07.01.2025).

⁴ Там же.

пичмент премьер-министру, членам Государственного совета, главам исполнительных министерств, судьям, заседателям Конституционного суда и другим ключевым государственным должностным лицам, возможность досрочного роспуска парламента в южнокорейской конституции отсутствует: ни президент, ни Конституционный суд не могут распустить его.

Поэтому страна оказалась не готова к ситуации, при которой соперничающие фракции борются за власть, превращая парламента в поле политической борьбы, а не в площадку для принятия эффективного законодательства, а оппозиция, имеющая подавляющее большинство в парламенте, фактически парализует действия исполнительной власти, системно отводя ключевые для руководства страны законопроекты или, пользуясь процедурой импичмента, оказывает давление или нейтрализует чиновников любого уровня, несогласных с линией партии.

О том, что «Корея могла бы рассмотреть возможность принятия механизмов роспуска парламента для выхода из политических тупиков¹», отмечал немецкий исследователь Нил Генри Зайферт, сравнивавший кризисы в РК и ФРГ.

Впрочем, стоит указать и на то, что до нынешнего времени подобные дискуссии ничем не заканчивались, потому что как только представитель критиков оппозиции оказывался в роли президента, его подобный объем полномочий вполне устраивал.

Внешнеполитические последствия. Ниже мы попробуем рассмотреть вопрос, как ситуация повлияет на взаимоотношения РК с основными партнёрами. С одной стороны, на фоне международной обстановки в целом и в преддверии явления Трампа, Юн, по выражению старшего вице-президента консалтинговой фирмы Park Strategies Шона Кинга, «не мог бы выбрать худшего времени для своих скандальных нарушений военного положения²». С другой стороны, декларируется, что проблема преодолена и отношения продолжатся без изменений. Кроме того, определенный на данный момент вакуум власти и вероятный переход правления к демократам ставят вопрос о том, как поменяется внешняя политика РК.

Отношения с США. Судя по первой реакции на введение военного положения³, Соединённые Штаты были явно не осведомлены о решении Юна и подчеркнули, что отношения между странами строятся на основе демократии. В частности, Белый дом заявил, что «основой альянса США и РК является демократия», отметив при этом, что власти Соединенных Штатов не были поставлены в известность относительно планов южнокорейского руководства. Вашингтон указал на серьёзную обеспокоенность фактом военного положения,

¹ Navigating political crises in Korea and Germany // Korea Times. 26.12.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2024/12/197_389063.html (дата обращения: 07.01.2025).

² New Year Special. South Korea enters 2025 with battered yet resilient democracy // Korea Times. 02.01.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/01/356_389551.html (дата обращения: 07.01.2025).

³ Юг и Север: Обзор последних событий на Корейском полуострове (1—15 декабря 2024 г.) // Asia Risk Group. 18.12.2024. URL: <https://asiarisk.org/novosti/489-yug-i-sever-obzor-poslednixh-so-bytij-na-korejskom-poluostrove-1-15-dekabrya-2024-g> (дата обращения: 07.01.2025).

выразил надежду, что любые политические споры будут разрешены мирным путем и в соответствии с верховенством закона и «испытал облегчение» в связи с изменением Юном своей позиции. Более того, заместитель госсекретаря США Курт Кэмпбелл назвал решение президента «грубой ошибкой»¹, так как исторический опыт и память о диктаторском прошлом вызывают в РК глубокий и негативный резонанс². Министр обороны Л. Остин отменил планируемый визит в РК, а четвёртое заседание консультативной группы по ядерной безопасности (NCG), которое должно было пройти в Вашингтоне, было отложено³.

Однако разлад был довольно быстро преодолен. 16 декабря 2024 г. представитель Госдепартамента США Мэтью Миллер подчеркнул, что альянс США и РК — это союз не только между президентами, но и между правительствами и народами двух стран⁴. 23 декабря в ходе состоявшейся в Вашингтоне встречи первого заместителя министра иностранных дел РК Ким Хон Гюна и помощника госсекретаря США Курта Кэмпбелла РК и США договорились возобновить контакты в полном объёме⁵. 3 января 2025 г. координатор по стратегическим коммуникациям в Совете национальной безопасности Джон Кирби подтвердил приверженность США поддержанию двустороннего альянса и обеспечению готовности союзников реагировать на любые внешние провокации или угрозы; заместитель пресс-секретаря Пентагона Сабрина Сингх заявила, что продолжающиеся политические потрясения в Южной Корее не повлияют на двусторонний альянс⁶. 6 января 2025 г. во время встречи с Чхве Сан Моком госсекретарь США Энтони Блинкен также заявил, что союз между Вашингтоном и Сеулом, начитывающий 70-летнюю историю, остаётся фундаментом мира и стабильности на Корейском полуострове и в Индо-Тихоокеанском регионе⁷.

¹ 미국무부 부장관, 비상계엄 사태에 "尹대통령, 심한 오판" (Заместитель госсекретаря США заявил, что «президент Юн грубо ошибается» в вопросе о военном положении) // Yonhap News. 05.12.2024. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20241205024751071?section=politics/all> (дата обращения: 07.01.2025).

² 백악관 "계엄 해제 안도...민주주의, 한미동맹 근간" (Белый дом «С облегчением восприняли отмену военного положения... демократия, альянс США и Южной Кореи имеет фундаментальное значение») // YTN. 04.12.2024. URL: https://www.ytn.co.kr/_ln/0104_202412040847525415 (дата обращения: 07.01.2025).

³ РК и США отложили переговоры по ядерному сдерживанию // Международное радио Кореи. 04.12.2024. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=79869 (дата обращения: 07.01.2025).

⁴ Альянс РК и США — это не только союз между президентами // Международное радио Кореи. 17.12.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=79985 (дата обращения: 07.01.2025).

⁵ РК и США договорились возобновить контакты в полном объёме // Международное радио Кореи. 25.12.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=80048 (дата обращения: 07.01.2025).

⁶ (LEAD) U.S. voices hope for S. Korea to work toward 'stable path' forward, notes Choi's focus on stability // Yonhap News. 03.01.2025. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250104000251315> (дата обращения: 07.01.2025).

⁷ Энтони Блинкен: США уверены в силе южнокорейской демократии // Международное радио Кореи. 06.01.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=80147 (дата обращения: 07.01.2025).

Заметим, что эксперты, связанные с оппозицией Юну, были недовольны «молчанием дяди Сэма», который, по их мнению, должен был публично осудить президента¹. Зато после волны онлайн-жалоб на знаменитостей, которые высказались в поддержку импичмента, и требования запретить им въезд в Соединенные Штаты посольство США в РК заявило, что Вашингтон решительно поддерживает свободу слова, независимо от политических убеждений².

Тем не менее беспокойство по поводу будущего отношений сохраняется. По мнению председателя Корейского отделения Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Виктора Чха³, политические потрясения в Южной Корее после неудачной попытки президента ввести военное положение станут «наихудшим сценарием» для начала правления второй администрации Трампа и альянса между Сеулом и Вашингтоном. Связанный с Министерством иностранных дел Институт иностранных дел и национальной безопасности (IFANS) считает, что курс Дональда Трампа в отношении Северной Кореи может пошатнуть ситуацию с безопасностью на Корейском полуострове, в результате чего перед Южной Кореей встанет сложная задача по разработке стратегии для координации с Вашингтоном⁴. От Трампа ждут не столько успешных переговоров с Севером, сколько ситуации, когда он потребует увеличения расходов на оборону, а также ужесточит торговую политику.

Конечно, многие детали зависят от того, поставит ли Трамп на первое место протекционизм и изоляционизм или отчасти продолжит курс своего предшественника, поставив на строительство региональных альянсов, направленных против Китая и в меньшей степени против России и КНДР. Но можно сделать предположение, что новое южнокорейское руководство может оказаться более уязвимым к давлению Вашингтона. Нынешний и. о. президента ранее имел репутацию технического специалиста, не вовлеченного в процесс принятия острых политических решений. Поэтому сумеет ли он не уступить давлению такого лидера, как Трамп, достаточно непростой вопрос.

Отдельная тема заключается в том, как на подобные требования Вашингтона будет реагировать «президент Ли». К сожалению, прогноз представляется пессимистичным по нескольким причинам. *Во-первых*, антиамериканизм демократов во многом напускной, но при этом с Вашингтоном надо договариваться, хотя бы для того, чтобы дезавуировать обвинения в прокитайском и даже просеверокорейском курсе, которые консерваторы предъявляли демократам в период

¹ South Korea's political crisis and Uncle Sam's silence // Korea Times. 07.01.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2025/01/197_389860.html (дата обращения: 07.01.2025).

² US Embassy says CIA doesn't handle visas as Yoon supporters call pro-impeachment celebs 'anti-US' // Korea Times. 29.12.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/12/120_389332.html (дата обращения: 07.01.2025).

³ U.S. expert calls martial law turmoil 'worst case scenario' for start of 2nd Trump gov't, alliance // Yonhap News. 12.12.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20241213000400315> (дата обращения: 07.01.2025).

⁴ Trump's N. Korea policy may shake up security landscape on Korean Peninsula: think tank // Yonhap News. 27.12.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20241227004900315> (дата обращения: 07.01.2025).

правления Юна. *Во-вторых*, в условиях недостаточной стратегической автономии демократам придется выбирать, каким направлением они пожертвуют, а на каком постараются сохранить свободу рук. Если Юн старался сохранить приоритет российского и китайского направлений, то демократы, по крайней мере раньше, выступали за диалог с КНДР. И хотя, как мы отметили выше, не факт, что Север ответит на подобные предложения, это означает, что российское направление оказывается наиболее приемлемым предметом размена. *В-третьих*, популизм Ли Чжэ Мёна и его заявление о борьбе с крупным капиталом могут означать, что интересы южнокорейского бизнеса, не желающего уходить из России, имеют для него меньшее значение, чем для представителей консервативного лагеря.

В результате председатель Ли пытается ускоренно подружиться с Трампом вплоть до лоббирования его выдвижения на Нобелевскую премию мира¹.

Отношения с Японией. Челночная дипломатия между РК и Японией на фоне кризиса сразу встала на паузу², но с послом Японии в Сеуле Коити Мидзусима встречались представители обоих политических лагерей³. Причем даже Ли Чжэ Мён указал, что укрепление двусторонних связей и трехстороннего сотрудничества Сеул—Токио—Вашингтон является важнейшей задачей для Юга.

19 декабря Хан Док Су и премьер-министр Японии Сигэру Исиба в телефонном разговоре договорились продолжать совместную работу над подготовкой к 60-й годовщине нормализации отношений между Сеулом и Токио, которая будет отмечаться в следующем 2025 г. Участники разговора согласились с необходимостью продолжать тесное сотрудничество в трёхстороннем формате с участием США в борьбе с северокорейской угрозой⁴.

Однако в какой мере слова будут сопровождаться делами, — вопрос. Желание Юн Сок Ёля улучшить отношения с Японией и перевернуть страницу в вопросе исторических споров вызывало существенное расстройство в обществе. Поэтому весьма вероятно возвращение к прежнему дискурсу, а это означает, что поставлен на паузу будет не только диалог с Японией под лозунгом «забыть споры прошлого в борьбе с угрозами настоящего», но и нынешний уровень трехсторонней активности.

Отношения с НАТО и вовлечённость в украинский кризис. До настоящего времени Юн придерживался стратегии «Глобальной Кореи», направленной на расширение роли Сеула за пределами Корейского полуострова. Однако, несмотря

¹ Trump for Nobel Prize': Can the initiative offer relief to Lee Jae-myung amid double whammy? // Korea Times. 07.02.2025. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2025/02/120_391657.html (дата обращения: 07.02.2025).

² «Челночная дипломатия» между РК и Японией приостановлена // Международное радио Кореи. 11.12. 2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=79938 (дата обращения: 07.01.2025).

³ Rival party leaders discuss bilateral ties with Japanese ambassador// Yonhap News. 26.12.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20241226006100315> (дата обращения: 07.01.2025).

⁴ РК и Япония договорились продолжать сотрудничество // Международное радио Кореи. 19.12.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=80013 (дата обращения: 07.01.2025).

на желание взаимодействовать с НАТО, в том числе по линии продажи южнокорейского оружия в Европу, правительство Юн Сок Ёля старалось не переходить красные линии Москвы, несмотря на достаточно серьёзное давление Вашингтона. Заместительные поставки и участие в санкциях были, но прямых все-таки не было. Даже в условиях охлаждения отношений РФ и РК, вызванных военнотехническим сотрудничеством Москвы и Пхеньяна, Сеул выступал с резкими заявлениями, но в итоге было заявлено, что решение об изменении политики по вопросу поставок Киеву оружия и боеприпасов будет приниматься в зависимости от сотрудничества Москвы и Пхеньяна. И делегация во главе с министром обороны Украины не получила ничего.

В бытность лидером оппозиции Ли Чжэ Мён заявлял, что стране необходимо ориентироваться не только на Вашингтон, но и на КНР, АСЕАН и Европу¹, и решительно выступал против поставок оружия Киеву², но неясно, в какой мере это была его принципиальная позиция, а не логика фракционной борьбы, согласно которой главное — выдвигать тезис, противоположный позиции консерваторов.

В новых условиях, с одной стороны, сотрудничество Сеула с НАТО может затормозиться, но с другой — раздувание западной пропагандой слухов о северокорейском присутствии в зоне СВО может подтолкнуть новое руководство, более склонное к популизму, к изменению курса.

Отношения с Китаем. Летом-осенью 2024 г. южнокорейские и западные эксперты заговорили о возможности «разрядки»³, считая, что сотрудничество Москвы и Пхеньяна вызывает неудовольствие Пекина, который в свою очередь может пытаться улучшить отношения с Сеулом. Однако в заявлении Юн Сок Ёля от 12 декабря было как минимум две инвективы, касающиеся Китая: *во-первых*, он упомянул задержанных в РК китайских шпионов (хотя факт шпионажа еще не был доказан — фигуранты были задержаны за съемку объектов повышенной безопасности); *во-вторых*, президент заявил, что «китайские солнечные батареи уничтожают наши леса». После такого представитель МИД Китая Мао Нин указала, что Пекин «глубоко удивлён и недоволен», и такое развитие событий «не пойдёт на пользу здоровому и стабильному развитию отношений между Китаем и РК»⁴.

Тем не менее 24 декабря министры иностранных дел РК и Китая Чо Тхэ Ёль и Ван И обсудили по телефону вопросы двусторонних отношений и ситуацию на

¹ Глава южнокорейской оппозиции Ли Чжэ Мён заявил, что стране необходимо ориентироваться не только на Вашингтон // Argumenti.ru. 11.04.2023. URL: <https://argumenti.ru/politics/2023/04/824769> (дата обращения: 07.01.2025).

² Лидер оппозиции Южной Кореи назвал невообразимыми последствия поставок оружия Украине // Новости ВПК. 24.04.2023. URL: https://vpk.name/news/709451_lider_oppozicii_yuzhnoi_korei_nazval_nevoobrazimymi_posledstviya_postavok_oruzhiya_ukraine.html (дата обращения: 07.01.2025).

³ (EDITORIAL from Korea Times on June 27) // Yonhap News. 27.06.2024. URL: <https://en.yuna.co.kr/view/AEN20240627001200315> (дата обращения: 13.11.2024).

⁴ Пекин удивлён заявлением Юн Сок Ёля о «китайских шпионах» // Международное радио Кореи. 13.12.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=79956 (дата обращения: 07.01.2025).

Корейском полуострове¹. 30-минутные переговоры закончились договоренностью «продолжать искать стратегические пути взаимодействия для стабильного урегулирования ситуации на Корейском полуострове²».

Как заявил в инаугурационной речи новый посол КНР в РК Дай Бин, «в настоящее время мир переживает беспрецедентные перемены, и китайско-корейские отношения также находятся на решающем этапе наследования прошлого и формирования будущего <...> Китай и Корея являются неразлучными соседями и незаменимыми партнерами, сотрудничество которых носит взаимовыгодный и стратегический характер³».

В СМИ РК отмечают, что Дай — не профессиональный кореевед, но работал в ООН и, «назначая дипломата с опытом решения глобальных проблем, Китай, возможно, сигнализирует о своем намерении расширить сферу китайско-южно-корейских отношений за пределы традиционных региональных проблем».

Однако мы помним, как во время президентской кампании Ли Чжэ Мён предлагал топить китайских браконьеров⁴ как только те появятся в водах РК, и так как антикитайские настроения подогреваются не только консерваторами, но и демократами, реальные изменения тренда на этом фоне не прогнозируются.

Обратим внимание и на то, что посол РК в КНР до сих пор не назначен. На этот пост предполагался бывший глава АП РК Ким Дэ Ги, который уже получил одобрение Пекина, но процесс назначения был приостановлен после импичмента Юна: чтобы Ким официально вступил в должность, его назначение должно быть одобрено кабинетом министров, а президент должен выдать верительную грамоту⁵. Кроме того, возник вопрос, надо ли отправлять послом в столь важную страну человека из окружения экс-президента, а не представителя новой власти.

Отношения с Россией. Как южнокорейские дипломаты, так и эксперты, связанные с Демократической партией, прибывают в уверенности, что как только СВО закончится, то отношения двух стран вернутся к прежнему уровню. Между тем куда более вероятен вариант, при котором завершение СВО на российских условиях станет поводом для нового витка санкционного давления на Россию и Сеул не сможет не присоединиться к этим санкциям.

¹ Главы МИД РК и КНР обсудили двусторонние отношения// Международное радио Кореи. 25.12.2024. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=80054 (дата обращения: 07.01.2025).

² S. Korean, Chinese FMs reaffirm ties amid political uncertainties// Korea Times. 24.12.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/12/120_389108.html (дата обращения: 07.01.2025).

³ Dai Bing assumes role as Chinese ambassador to Korea// Korea Times. 27.12.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/12/120_389270.html (дата обращения: 07.01.2025).

⁴ «반중» 올라탄 대선후보들... 이재명 "불법어선 격침" 발언까지 (Антикитайские настроения среди кандидатов в президенты растут... Ли Чжэ Мён говорит, что незаконные рыболовецкие суда должны быть уничтожены) // Хангёре Синмун. 10.02.2022. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1030501.html (дата обращения: 07.01.2025).

⁵ Impeachment delays Korea's appointment of ambassador to China // Korea Times. 20.12.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2024/12/120_388872.html (дата обращения: 07.01.2025).

Отношения с КНДР. С одной стороны, Северная Корея трактовала протесты против военного положения в Республике Корея как «народное восстание», которое, однако, вовсе не означает, что к власти придут более «прогрессивные» (с позиции Пхеньяна) силы. Во всех комментариях СМИ подчёркивается, что положение дел в РК означает лишь «нестабильность хангукского общества», т. е. нет и малейшего намёка на возврат к прежней риторике «единого государства». Это означает, что попытка демократов начать диалог, вернувшись с новым вариантом солнечной политики, имеет шансы быть демонстративно отвергнутой.

А дальше возникает интересный вопрос: в какую сторону будет меняться позиция демократов после того, как установить межкорейский диалог не получится? Не сработает ли вновь логика фракционной борьбы, в рамках которой, если при Юне делали упор на мягкую силу и воздействие на северокорейские массы, то демократы могут занять более агрессивную позицию по аналогии с поведением тех представителей демократического лагеря, которые сделали поворот «кругом».

Подведем итог: действия президента нанесли стране сильный репутационный урон, в результате которого в массовом сознании граждан страны и мира в целом закрепились некоторые негативные стереотипы, отражающие как реальность, так и нарратив победителей. В условиях существенной поляризации южнокорейского общества, загладить его будет сложно, поскольку у каждой из сторон уже есть сформированная картина мира, не допускающая опровержений.

Самый важный блок репутационных последствий касается того, в какой мере современная Южная Корея является страной с действительно демократическими институтами. Хотя официальная версия утверждает, что предотвратить захват власти удалось именно благодаря этим институтам, предыдущая фаза кризиса говорит о том, что парламентская оппозиция использовала механизмы импичмента не ради блага страны, а для борьбы за власть. По сути, конституция страны, рассчитанная на предотвращение узурпации власти президентом, оказалась не готова к узурпации власти со стороны парламента.

Кроме того, хотя неразбериху военного положения пытаются объяснить саботажем на среднем и нижнем уровне, можно задаться вопросом, в какой мере это было сознательное неисполнение приказов, а в какой— признак слабости силовых структур в чрезвычайной ситуации.

Вакуум власти продлится до мая—июня 2025 г., и если лидера оппозиции не посадят, следующим президентом становится он, однако неожиданные повороты не исключены. Неясно и то, чем закончится новый виток обсуждения пересмотра конституции в рамках борьбы с концепцией «имперского президентства», будет ли новый президент менять удобный ему Основной закон и не решит ли он застраховаться от обратной ситуации.

Внешнеполитические последствия в краткосрочной перспективе кажутся преодолёнными: военное положение воспринимается как досадный инцидент, который не оказал существенное негативное влияние на отношения со странами-соседями. Однако вероятны два тренда: с одной стороны, все инициативы Юн Сок Ёля, включая улучшение отношений с Японией или сотрудничество со

структурами НАТО, будут поставлены на паузу или вовсе обнулены в случае, если президентом окажется представитель Демократической партии. С другой стороны, вакуум власти и необходимость президента-демократа договариваться с новым руководством США повышает вероятность того, что предметом торга станут вопросы, по которым прежнее правительство старалось не уступать. В этом смысле не стоит рассчитывать на то, что новое руководство страны будет проводить менее проамериканский курс, разница будет касаться риторики и тактики.

Пока верстался номер, 24 марта 2025 г. спустя три месяца Конституционный суд отклонил решение парламента Национального собрания РК об импичменте Хан Док Су, который, таким образом, восстановлен в должности премьер-министра и исполняющего обязанности президента РК. Важно, что в поддержку импичмента проголосовал лишь один из восьми судей, пятеро заявили, что для импичмента нет достаточных оснований, а двое высказались против импичмента как такового¹. С одной стороны, это далеко не первый случай, когда суд блокирует парламентский импичмент и возвращает отрешенного от власти чиновника на прежний пост, с другой — это затягивает кризис в целом, потенциально создавая новый порочный круг по аналогии с президентскими вето на законы, принятые парламентом. Кроме того, каждый отклоненный импичмент не только обесценивает процедуру (показывая, что оппозиция использует ее исключительно для борьбы за власть, пользуясь возможностью), но и заставляет задаваться вопросом: а может, в действиях президента, который хотел решить проблему с таким парламентом, есть рациональное зерно? И хотя вероятность все еще откладываемого импичмента президента все еще выше, чем возвращение Юн Сок Ёля во власть, шанс неожиданного поворота событий увеличивается, так что вердикт Конституционного суда может поставить в истории кризиса не точку, а запятую.

Библиографический список

Кирьянов О.В. Анализ ситуации: Гадалки, шаманы, гамбургеры и спецназ — невероятный паноптикум военного положения Кореи // Asia Risk Group. 29.12.2024. URL: <https://asiarisk.org/novosti/491-analiz-situatsii-gadalki-shamany-gamburgery-i-spetsnaz-neveroyatnyj-panoptikum-voennogo-polozheniya-korei> (дата обращения: 07.01.2025).

Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 18 декабря 2024 г. // Сайт МИД РФ. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1988088/ (дата обращения: 07.01.2025).

Ким Е. У. Особенности парламентаризма в Республике Корея // Власть. 2024. Том 32. № 4-1. С. 65—78. DOI: <https://doi.org/10.56700/u4478-7355-4637-x>. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/10286> (дата обращения: 07.01.2025).

Юг и Север: Обзор последних событий на Корейском полуострове (1—15 декабря 2024 г.) // Asia Risk Group. 18.12.2024. URL: <https://asiarisk.org/novosti/489-yug-i-sever-obzor-poslednixh-so-bytij-na-korejskom-poluostrove-1-15-dekabrya-2024-g> (дата обращения: 07.01.2025).

¹ КС отклонил импичмент премьер-министру Хан Док Су // KBS World. 24.03.2025. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=80949 (дата обращения: 24.03.2025).

References

Kiriyanov O. Analiz situacii: Gadalki, shamany, gamburgery i specnaz — neveroyatnyj panoptikum voennogo polozhenija Korei [Situation analysis: Fortune tellers, shamans, hamburgers and special forces — an incredible panopticon of Korea's martial law] // Asia Risk Group. 29.12.2024. URL: <https://asiarisk.org/novosti/491-analiz-situatsii-gadalki-shamany-gamburgery-i-spetsnaz-neveroyatnyj-panoptikum-voennogo-polozheniya-korei> (accessed: 07.01.2025). (In Russian).

Briefing by Foreign Ministry Spokeswoman Maria Zakharova, Moscow, December 18, 2024 // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 18.12.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1988088/ (дата обращения: 07.01.2025).

Kim E. U. Osobennosti parlamentarizma v respublike Koreja [Features of parliamentarism in the Republic of Korea] // Vlast. 2024. Том 32. № 4-1. С. 65—78. DOI: 10.56700/u4478-7355-4637-x. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/10286> (дата обращения: 07.01.2025). (In Russian).

Jug i Sever: Obzor poslednih sobytij na Korejskom poluostrove (1—15 dekabrya 2024 g.) [South and North: An overview of the latest developments on the Korean Peninsula (December 1—15, 2024)] // Asia Risk Group. URL: <https://asiarisk.org/novosti/489-yug-i-sever-obzor-poslednikh-sobytij-na-korejskom-poluostrove-1-15-dekabrya-2024-g> (дата обращения: 07.01.2025). (In Russian).

Поступила в редакцию: 08.01.2025

Received: 08.01.2025

Принята к публикации: 25.02.2025

Accepted: 25.02.2025